Е. Некрасова

Ф. Г. ВОЛКОВЪ

устроитель перваго театра въ Россiи

1893

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ВОЛКОВЪ,

УСТРОИТЕЛЬ

ПЕРВАГО НАРОДНАГО ТЕАТРА ВЪ РОССІИ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и Ко., Валовая улица, собствен. домъ.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 29 ноября 1892 года.

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ВОЛКОВЪ.

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ.

УСТРОИТЕЛЬ ПЕРВАГО НАРОДНАГО ТЕАТРА ВЪ РОССІИ,

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ВОЛКОВЪ.

Прежде на Руси театры устраивались только для царей и придворныхъ. Теперь же въ театръ можетъ входить всякій. Первый такой театръ *для всѣхъ* былъ устроенъ въ Ярославлѣ сыномъ костромского купца—Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ. Оттуда—изъ Ярославля—и пошелъ на Руси *народный* театръ.

I.

Больше полутораста лѣтъ тому назадъ жилъ въ Костромѣ купецъ, Григорій Волковъ. Семья у него была небольшая: жена и трое дѣтей. Въ домѣ всегда достатокъ. Жили счастливо, хорошо.

Но вѣкъ безъ несчастья не проживешь,—говорить пословица,—какой счастливецъ ни будь. Не прожили безъ горя и Волковы. Разъ заболѣлъ самъ хозяинъ; поболѣлъ, да и померъ.

Много плакала и горевала молодая вдова. Плакали и дѣти, — разумѣется, только на мать глядя: сами были еще малы, чтобы понимать. Скоро за дѣлами да за заботами и мать горевать перестала. А тутъ разъ - другой встрѣтилась съ богатымъ ярославскимъ купцомъ — Ѳедоромъ Полушкинымъ. Полушкинъ былъ человѣкъ холостой, богатый. У него были свои свеклосахарные и кожевенные заводы. Онъ велъ торговлю съ Петербургомъ, Москвою и другими городами. Торговля шла хорошо.

Холостому, но уже не молодому Полушкину очень приглянулась молодая вдова. «Нужды нѣтъ, что трое дѣтей—женюсь, лишь бы пошла за меня», — сказалъ однажды Полушкинъ.

Эти слова передали вдовѣ. Она отвѣтила согласіемъ. Полушкинъ пріѣхалъ въ Кострому. Скоро была сыграна свадьба. И молодая со всѣми дѣтьми отъ перваго брака — съ Ѳедоромъ, Гаврилой и Григоріемъ — переѣхала на житье въ Ярославль.

II.

Ярославль — городъ большой, красивый, лежитъ на высокомъ берегу Волги. Лѣтомъ весь береговой скатъ покрывается зеленой травой, словно ковромъ. По широкой рѣкѣ съ ранней весны тянутся одна за другой барки съ разными товарами; то въ Ярославль изъ низовьевъ приходятъ, то изъ Ярославля разные товары въ другіе города тащатъ.

Много кожевенныхъ и другихъ товаровъ Полушкина шло по Волгѣ изъ Ярославля въ Рыбинскъ и Астрахань. Часто и самъ Полушкинъ по торго-

вымъ дѣламъ ѣздилъ внизъ и вверхъ по великой рѣкѣ. Почти цѣлое лѣто проводилъ онъ въ разъѣздахъ. А вернется домой—опять дѣла: надо заглянуть на заводы, то то, то другое посмотрѣть, распорядиться—дѣлъ бездна! И радъ-радешенекъ, когда выищется свободный вечеръ, который можно бы съ семьей провести, съ женой поговорить, дѣтей приласкать. Полушкинъ очень любилъ дѣтей. Никто, глядя со стороны, не подумалъ бы, что онъ отчимъ, а не родной отецъ.

Отъ природы онъ былъ человѣкъ умный, многое видалъ на свѣтѣ, со многими умными и именитыми людьми хлѣбъ-соль важивалъ. Видалъ и зналъ, какое подспорье торговому человѣку дѣлаетъ грамота, умѣнье говорить на чужихъ языкахъ. Потому въ воспитаніи пасынковъ крѣпко держался за науку и ученье.

III.

Однажды Полушкинъ пошелъ къ нѣмецкому священнику—пастору,—проживавшему въ Ярославлѣ, и сталъ просить, чтобы тотъ взялъ его пасынковъ въ ученье. Пасторъ согласился, но, разумѣется, не даромъ. Полушкинъ обѣщался платить хорошую цѣну—и на другой или на третій день всѣхъ троихъ отвелъ къ нѣмцу.

Пасторъ жилъ въ Ярославлѣ при Биронѣ. Биронъ—это выходецъ-нѣмецъ. Императрица Анна Іоанновна назначила его послѣ своей смерти въ правители русскаго государства. Но правителемъ русскіе его терпѣли недолго, скоро лишили правленія и со-

слали на житье въ Сибирь. А дочь Петра Великаго, императрица Елизавета, когда вошла на царство, позволила Бирону вернуться изъ Сибири и жить въ Ярославлѣ. Биронъ былъ не нашей вѣры, потому имѣлъ при себѣ своего священника—пастора.

Пасторъ былъ человѣкъ образованный, добрый. Съ охотой и любовью принялся обучать маленькихъ Волковыхъ и особенно полюбилъ старшаго, Ѳедю.

Ѳедя у всѣхъ былъ любимцемъ. Способный, умный, трудолюбивый, уроки готовилъ отлично; бывало, еще сверхъ заданнаго лишнее выучитъ. Разъ онъ увидалъ, какъ пасторъ нарисовалъ что-то карандашомъ. Ѳедя пришелъ домой—и сейчасъ рисовать. Съ этихъ поръ у него стала большая охота къ рисованью. Понемногу началъ и за краски приниматься, рисовалъ большія картины. А то вздумалъ рѣзать по дереву разную рѣзьбу,—сперва коробочки, маленькіе ящички, а тамъ и цѣлыя картины. И скоро сталъ очень искусенъ въ рѣзьбѣ. Въ послѣдствіи, когда уже большой выросъ, сдѣлалъ тонкой рѣзьбы царскія врата. Въ Ярославлѣ и въ настоящее время можно видѣть его работу въ церкви Николы Надѣина (близъ дома губернатора). Въ этой церкви и царскія врата, и образъ надъ ними «Тайной вечери»—рѣзаны Волковымъ.

Рѣзьбѣ, какъ и рисованью, Ѳедоръ Григорьевичъ научился безъ учителей, самоучкой. Пасторъ только охотилъ его къ этому дѣлу. Онъ же пріохотилъ его и къ музыкѣ.

IV.

Большіе успѣхи и дарованія мальчика сталъ замѣчать и отчимъ.

— О Ѳедюшѣ-то подумать надо,—сказалъ онъ разъ женѣ, когда дѣти ушли учиться.

— Чего думать? Учится хорошо - слава Богу. А тамъ тебѣ въ торговлѣ помогать станетъ.

— Оно такъ-то такъ. Да больно ужъ у него способности большія. Жаль, если ихъ къ дѣлу не приложить. Да и грѣхъ. Помнишь евангельскую притчу: кому одинъ талантъ, кому два. Такъ вотъ, грѣхъ тому и передъ людьми, и передъ Богомъ, кто зароетъ свой талантъ въ землю. Грѣхъ и тому, кто попуститъ зарыть.

— Вѣдь, мы ему учиться не мѣшаемъ. Денегъ нѣмцу, небось, не мало платишь.

— Да многому ли онъ у нѣмца научится? Только и пользы, что по-нѣмецки говорить будетъ. Ну, а наукамъ?.. Гдѣ жъ пастору всѣмъ наукамъ обучить? Знаешь, что я думаю? Не свезти ли его въ Москву, въ Заиконоспасскую школу?

Но мать возстала противъ Москвы. Ей было жаль разстаться съ сыномъ, жаль отпустить такую даль: «шутка ли - за триста верстъ!»

— Ну да пусть это дѣло самъ Ѳедя рѣшитъ,— сказалъ Полушкинъ. — Спросимъ его. Хочетъ учиться—повеземъ, не хочетъ—пусть здѣсь останется.

Такъ и рѣшили.

Вотъ приходятъ дѣти съ ученья. Бѣгутъ къ

отчиму. Наперебой разсказываютъ, за что похвалилъ или побранилъ учитель. А отъ отца бѣгомъ пускаются къ матери.

Но въ этотъ разъ бѣжать было некуда: мать сидѣла въ этой же комнатѣ и вязала чулокъ. Она съ безпокойствомъ ждала, какой разговоръ выйдетъ у отца съ Ѳедей.

— Что, братъ Ѳедюша, не надоѣло еще учиться? Хочешь ѣхать учиться въ Москву?—сказалъ отчимъ.

Ѳедя засмѣялся. У него за разъ смѣялись и глаза, и губы. Лицо при этомъ дѣлалось еще добрѣе, красивѣе.

— Шутишь, батюшка,—сказалъ онъ—и уже повернулся было уходить.

Отчимъ остановилъ, взялъ пасынка за обѣ руки и еще разъ повторилъ вопросъ:

— Отвѣчай, есть ли у тебя на это охота?

Мать въ волненіи смотрѣла то на отца, то на сына; забыла о чулкѣ и со страхомъ ждала, что отвѣтитъ Ѳедя. Ѳедя смотрѣлъ на отчима. Взглядъ Полушкина былъ серіозенъ. Теперь сомнѣнія нѣтъ, что отчимъ не шутитъ.

— Учиться, батюшка, у меня большая охота. Только будутъ ли меня въ Москвѣ музыкѣ обучать?

— Музыкѣ?! это на дудкѣ-то, что ли, что ты по вечерамъ играешь? Ну, братецъ мой, такой музыкѣ только въ деревняхъ обучаютъ.

— Ты думаешь, батюшка, я про свирѣль говорю? Нѣтъ,—вотъ если бы на гусляхъ... или на скрипкѣ поучиться..

— Ну, это тамъ видно будетъ. На гусляхъ... надо думать въ Заиконоспасской школѣ игрѣ на

гусляхъ обучаютъ. Объ этомъ еще спросимъ вотъ попа Григорія... онъ долженъ знать. Дэ, вѣдь, тамъ не однимъ гуслямъ обучаться будешь. Въ Заиконоспасской школѣ и математикѣ, и разнымъ счетамъ, выкладкамъ и языкамъ обучаютъ. Потому отвѣчай толкомъ: хочешь ѣхать учиться на Москву? Хочешь—такъ свезу.

Ѳедя, вмѣсто отвѣта, бросился Полушкину на шею.

— Хочешь значитъ?

— Очень, очень хочу, батюшка,—шепталъ Ѳедя, крѣпко обнимая отчима...

V.

Скоро тройка жирныхъ купеческихъ лошадей везла Ѳедю Волкова изъ Ярославля въ Москву; везла туда же, куда годами десятью раньше бѣжалъ изъ Архангельской губерніи крестьянскій сынъ Ломоносовъ. И купеческій сынъ Волковъ, и крестьянскій сынъ Ломоносовъ оба шли въ Москву за ученьемъ. Только крестьянскій сынъ пѣшкомъ, чуть не Христовымъ именемъ пробирался, а купеческій сынъ на своихъ лошадяхъ ѣхалъ. Ломоносову хотѣлось знать разныя науки, а Волкову—музыку, рисованіе, пѣніе—разныя искусства.

Въ Заиконоспасской школѣ Ѳедя Волковъ началъ учиться прилежно. Какъ способный мальчикъ, онъ скоро перегналъ въ наукахъ всѣхъ школьныхъ товарищей.

Учится Ѳедя усердно, а времени свободнаго все-таки остается много. Ему сложа руки не

сидится. Напишетъ отчиму, чтобы карандашей, красокъ купилъ—отчимъ купитъ, и Ѳедя въ свободное время сидитъ—рисуетъ. Рисовать надоѣстъ—на скрипкѣ играть учится. Отчимъ ему ни въ чемъ не отказывалъ: попросилъ Ѳедя скрипку, отчимъ и скрипку купилъ.

Въ свободное лѣтнее время, когда учениковъ выпустятъ гулять въ садъ, Ѳедя умчится съ своей скрипкой въ дальній уголъ сада и одинъ одинёшенекъ сядетъ подъ развѣсистую липу. Норовитъ непремѣнно усѣсться между кустами, чтобы его непримѣтно было. Сядетъ и примется съ голосу налаживать на скрипкѣ разныя пѣсни—духовныя и свѣтскія; до тѣхъ поръ налаживаетъ, пока дѣйствительно не выйдетъ складно. А какъ вышло—начнетъ вполголоса подпѣвать. Минутъ черезъ пять забудется и во весь голосъ запоетъ.

— Музыкантъ-то нашъ! Слышь, братцы? — сказалъ разъ одинъ ученикъ.

Ученики смолкли, остановили игру, слушаютъ. А Ѳедя такъ и заливается, точно соловей.

— Эй! ребята, маршъ! всѣ за мной!—скомандовалъ самый взрослый изъ учениковъ и пустился бѣжать въ ту сторону, откуда слышалась пѣсня. Вся ватага понеслась вслѣдъ за нимъ. Съ крикомъ, шумомъ, словно ураганъ, подлетѣли они къ кусту, гдѣ скрывался Волковъ.

— Эва! куда залѣзъ!—кричалъ во все горло тотъ же школьникъ-коноводъ, раздвигая вѣтки смородины.

Голубоглазый скрипачъ удивленно глядѣлъ на товарищей. Онъ не понималъ, зачѣмъ обступили

его, чего имъ надо. И только, когда со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «Ну-ну! спой, спой! мы послушаемъ»... Ѳедя понялъ, что, должно быть, забывшись, запѣлъ черезчуръ громко.

VI.

Въ Заиконоспасской школѣ изъ искусствъ учили только пѣнію. Учителя-монахи сами любили пѣть, любили хорошихъ пѣвчихъ за церковной службой и изъ учениковъ школы составляли хоръ, обучали его пѣнію.

Въ хорѣ учился пѣть и Ѳедя Волковъ. Онъ любилъ, когда бывалъ урокъ (классъ) пѣнія. А еще больше любилъ, когда ученикамъ позволяли устраивать домашній театръ, давать представленія.

Этотъ обычай—устраивать въ школѣ представленія — перешелъ въ Москву изъ Кіева. Въ Кіевской духовной академіи (такъ называлось первое высшее училище въ Россіи) этотъ обычай завели учителя изъ Польши. Ученики кіевской академіи (студенты) о Рождествѣ и о масленицѣ ходили по богатымъ домамъ давать представленія. А то устраивали представленія изъ куколъ; куклы клали въ ящикъ и съ ящикомъ расхаживали по городу.

Ученики же Заиконоспасской школы устраивали представленія только въ самой школѣ. Представляли какія-нибудь духовныя исторіи; свѣтскихъ представленій не давали. Да тогда еще никто изъ русскихъ и не писалъ свѣтскихъ представленій для театра.

Волкову не всегда удавалось принимать участіе

въ этихъ забавахъ. Театральными забавами тѣшились ученики въ большіе праздники—святки, масленицу, Свѣтлую недѣлю, а Ѳедя не всегда на святки оставался въ школѣ: за нимъ пріѣзжали изъ дому, и онъ уѣзжалъ въ Ярославль.

VII.

Когда Волковъ кончилъ курсъ ученья, то совсѣмъ вернулся въ родную семью. Теперь Ѳедя былъ уже взрослый, молодой человѣкъ: ему было семнадцать лѣтъ. Теперь его звали—Ѳедоромъ Григорьевичемъ.

Изъ него вышелъ малый толковый, дѣльный. Отчимъ видѣлъ, что не даромъ тратилъ деньги на ученье: пасынокъ будетъ ему настоящій помощникъ. Не только сообразить, высчитать всякое дѣло можетъ — можетъ и письмо, и бумагу всякую написать, и по-русски, и по-нѣмецки. Малый аккуратный, обстоятельный, надежный.

Ужъ недѣли двѣ, а можетъ, и больше живетъ Ѳедоръ Григорьевичъ въ родной семьѣ.

Разъ подходитъ къ нему отчимъ. Положилъ руку ему на плечо и говоритъ:

— Вотъ что, Ѳедя! Ты теперь большой. Слава Богу, многому научился, многое знаешь. А главное... поведенія хорошаго—вотъ что́ хорошо!..

— Да что́ съ тобой, батюшка?—удивился пасынокъ.—Ты никакъ вздумалъ мнѣ похвальное слово читать?

— Не похвальное слово, а я это къ тому говорю, что пора тебѣ быть мнѣ подмогой.

— Развѣ я когда-нибудь отказывался?.. Ты бы, батюшка, присѣлъ лучше.

Өедоръ Григорьевичъ снялъ съ плеча руку отца, удержалъ ее въ своей рукѣ, а другой рукой пододвинулъ отчиму скамеечку.

Полушкинъ сѣлъ, Өедоръ Григорьевичъ сѣлъ рядомъ.

— Такъ что́ же, батюшка? Какой тебѣ услуги отъ меня надо?

— Да вотъ, видишь, у меня на очереди большіе счеты съ одной купеческой конторой...

— Я готовъ приказывай!

— Контора-то, видишь ли, въ Петербургѣ. Счеты сводить надо мнѣ самому съ хозяиномъ конторы или же довѣренное лицо послать. То-есть такого человѣка надо, которому бы я не усомнился, равно какъ самому себѣ, большой капиталъ довѣрить... Понимаешь?

Өедоръ Григорьевичъ выпустилъ руку отчима, опустилъ глаза въ землю и ни слова не отвѣчалъ. Да и что́ жъ можно было сказать на такія слова? Вѣритъ отчимъ – пусть поручаетъ, а не вѣритъ— теперь вѣру ужъ поздно вкладывать. Это самое и думалъ Өедоръ Григорьевичъ, когда замолчалъ.

— Что глаза-то опустилъ, на меня не смотришь?— усмѣхнулся Полушкинъ. Онъ взялъ пасынка за подбородокъ и приподнялъ ему голову, какъ дѣлаютъ съ маленькими дѣтьми.—Думаешь, я въ тебя вѣры не имѣю?

Өедоръ Григорьевичъ молчалъ.

— Не то, голубчикъ! Кабы вѣры не имѣлъ и рѣчи бы не повелъ. А, видишь, дѣло въ чемъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы ты въ Петербургъ не за одними торговыми счетами ѣхалъ...

Өедоръ Григорьевичъ вопросительно взглянулъ на отчима, словно спрашивалъ: «а зачѣмъ же еще?»

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ этой самой купеческой конторѣ ты нашему купеческому счету поучился — бухгалтеріи. А то безъ бухгалтеріи въ нашемъ торговомъ дѣлѣ — плохо, сколько бы ты другихъ мудреныхъ наукъ ни зналъ.

— Словно ты, батюшка, не знаешь, какой мой отвѣтъ будетъ. Ты знаешь, что я радъ учиться; а еще больше радъ въ Петербургъ ѣхать. Какое хочешь дѣло поручай, — только бы въ Петербургѣ побывать! Развѣ это шутка въ Петербургъ попасть!

Дѣйствительно, въ тѣ времена съѣздить изъ Ярославля въ Петербургъ было много труднѣй, чѣмъ теперь съѣздить за границу: ни чугунки, ни пароходовъ тогда еще не было, надо было тащиться на перекладныхъ. Дороги были дурныя, шоссейныхъ дорогъ тоже не было.

Но что̀ значатъ для молодаго Волкова всѣ дорожныя невзгоды? — лишь бы попасть въ столицу. Чего онъ тамъ ни насмотрится, чего ни увидитъ!

Өедоръ Григорьевичъ послѣ разговора съ отчимомъ весь день, всю ночь продумалъ о Петербургѣ.

Узнала мать, что сынъ въ Петербургъ ѣдетъ — сильно опечалилась. А какъ сказали, что ѣдетъ для замѣны отца, ничего — согласилась. Стала снаряжать сына въ дорогу, готовить бѣлье; пироговъ, лепешекъ на дорогу печь.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней Өедоръ Григорьевичъ катилъ въ Петербургъ.

Доѣхалъ, разумѣется, не скоро. Хозяинъ конторы встрѣтилъ Волкова привѣтливо. А поприглядѣлся къ молодому человѣку — и совсѣмъ его полюбилъ. Ужъ очень ему нравились усердіе и толковитость Өедора Григорьевича.

— Славный малый! — отзывался хозяинъ о Волковѣ въ кругу своихъ пріятелей. — Отчимъ прислалъ его поприглядѣться къ торговымъ дѣламъ, да бухгалтеріи поучиться. И, посмотри, какъ онъ во все вникаетъ! А смекалка какая! Ему одно слово скажешь, а онъ ужъ и два другихъ смекнулъ, которыя еще съ языка не сошли. Вотъ какой парень! Не мудрено, что Полушкинъ любитъ его, какъ сына роднаго. Я и самъ отъ такого бы сына не прочь... Посмотрѣли бы, что̀ онъ по вечерамъ дѣлаетъ! Если мы одни, нѣтъ никого постороннихъ, принесетъ скрипку — и играть. И какъ хорошо играетъ! Да онъ и пѣть мастеръ. Хоръ изъ моихъ ребятишекъ устроилъ... Хорошій, занятный парень — одно слово! У насъ въ домѣ всѣ до малаго ребенка полюбили его. Всѣмъ съ нимъ весело. Хочется и мнѣ тоже повеселить его чѣмъ-нибудь. Хочу на придворный театръ его сводить. Одинъ благопріятель, князь, обѣщалъ меня провести какъ-нибудь на представленіе во дворецъ. Ужъ я просилъ, нельзя ли, молъ, и Өедора вмѣстѣ прихватить!

Хозяинъ дѣйствительно устроилъ: взялъ Ѳедора Григорьевича на представленіе во дворецъ.

Въ то время правила государствомъ, какъ мы уже сказали, дочь Петра Великаго — императрица Елизавета. Она очень любила театральныя представленія. Представленія устраивались у нея во дворцѣ. Представляли заѣзжіе иностранные актеры—французы, итальянцы, нѣмцы. Русскихъ актеровъ тогда еще не было.

На представленія во дворецъ государыня приказывала ѣздить всѣмъ придворнымъ. А разъ замѣтила — мало народу пріѣхало, сейчасъ велѣла издать приказъ. Въ приказѣ было сказано: «Кто изъ придворныхъ пропуститъ хоть одно представленіе, съ того брать пеню—штрафъ: съ каждаго человѣка пятьдесятъ рублей».

Императрица свою любовь къ представленіямъ хотѣла привить и всѣмъ придворнымъ.

IX.

Когда хозяинъ конторы повелъ Ѳедора Григорьевича на придворный театръ, во дворцѣ представленіе давали итальянцы.

Большія дворцовыя комнаты, много зажженныхъ огней, разрисованныя стѣны, богатыя одѣянія на актерахъ — все поразило молодаго Волкова. Онъ всегда любилъ красивое, но такой красоты, такого убранства и во снѣ не представлялъ. Онъ сидѣлъ въ театрѣ, словно вкопанный, — не шелохнулся, не сводилъ глазъ съ того мѣста, гдѣ представляли, — со *сцены*. Не вѣрилъ себѣ, что ви-

дитъ все наяву, а не во снѣ. Онъ какъ бы опьянѣлъ отъ радости и удивленія.

Но вотъ представленіе кончилось. Актеры перестали играть. Сцену закрыли занавѣсомъ. Всѣ зрители стали уходить по домамъ. Одинъ Ѳедоръ Григорьевичъ ни съ мѣста, словно замеръ. И, Богъ вѣсть, скоро ли бы онъ пришелъ въ себя, еслибы не хозяинъ: хозяинъ взялъ его за руку и увезъ домой.

Всю ночь послѣ представленія до утра Ѳедоръ Григорьевичъ проворочался съ боку на бокъ, всю ночь глазъ не смыкалъ. Ему мерещился дворецъ, актеры, нарисованныя деревья по стѣнамъ. Деревья издали казались словно настоящія. «А какъ хорошъ», думалъ Ѳедоръ Григорьевичъ, «какъ хорошъ былъ свѣтъ мѣсяца на небѣ! И откуда они взяли мѣсяцъ? Ну, совсѣмъ, совсѣмъ какъ настоящій. И какъ это все устраиваютъ? Вотъ бы посмотрѣть! узнать, какъ тамъ за сценой!.. Черезъ кого бы попасть туда?.. Говорятъ, въ училищѣ,— Шляхетномъ Сухопутномъ корпусѣ,— даютъ такія же представленія ученики-кадеты; представляютъ на русскомъ языкѣ. Говорятъ, будто бы одинъ изъ бывшихъ учениковъ самъ и представленія для театра сочинялъ. Забылъ только, какъ его фамилія... Кто-то еще недавно говорилъ... Сум... Сум... Ахъ, вспомнилъ: Сумароковъ... Вотъ бы туда въ корпусъ къ кадетамъ пробраться. Я думаю это можно. Да и легче, небось, чѣмъ во дворецъ. Ужъ если во дворецъ хозяинъ провелъ, туда непремѣнно проведетъ... А какъ, должно быть, смѣшны за сценой актеры!.. Давеча я думалъ, и вправду женщина предста-

вляла. А хозяинъ говоритъ — всѣ актеры изъ мужчинъ: «на театрѣ представляютъ только одни мужчины, и если нужно—переодѣваются въ женскія платья». Посмотрѣть бы, какъ они переодѣваются, какъ имъ косы привязываютъ, головы убираютъ» ...

Такъ всю ночь напролетъ и не спалъ Ѳедоръ Григорьевичъ, все думалъ о театрѣ. И долго послѣ того онъ ни о чемъ, кромѣ театра, ни говорить, ни думать не могъ.

X.

Упросить хозяина провести въ Сухопутный Шляхетный корпусъ было не трудно. Хозяинъ видѣлъ, какую радость доставилъ Волкову театръ. Онъ и самъ радъ былъ еще разъ повеселить своего любимца. Скоро Волковъ побывалъ въ Шляхетномъ корпусѣ. Познакомился тамъ съ актерами-кадетами, узналъ о Сумароковѣ. Кадеты провели его на сцену, въ *уборную* комнату, гдѣ актеры переряжались, убирались, подкрашивали себѣ брови, щеки, губы. Пробрался Волковъ и *за кулисы*, туда, гдѣ стояли машины, которыя передвигали стѣны, заставляли ходить мѣсяцъ, облака, словно на небѣ.

За кулисами и въ уборной Волковъ былъ больше пораженъ, чѣмъ самымъ представленіемъ во дворцѣ. Теперь онъ дни и ночи бредилъ театромъ.

Кадеты же провели его за кулисы и на придворный театръ — къ нѣмцамъ и итальянцамъ. Нѣмцевъ Ѳедоръ Григорьевичъ разспрашивалъ,

какъ все это они устраиваютъ, просилъ объяснить машины. А чтобы понимать и итальянцевъ, умѣть и съ ними говорить, началъ учиться итальянскому языку—и скоро научился.

За кулисами онъ не только все осматривалъ и обо всемъ подробно разспрашивалъ, но и все, что узнавалъ и видѣлъ, записывалъ. Мало этого—срисовалъ все устройство театра. Все вымѣрилъ, начертилъ.

Теперь Ѳедоръ Григорьевичъ часто ходилъ на представленія во дворецъ. Но объ отцовскихъ порученіяхъ онъ все же не забывалъ и всѣ торговыя дѣла отчима справилъ, какъ слѣдуетъ; бухгалтеріи (торговому счету) выучился какъ нельзя лучше. И теперь могъ укладываться и ѣхать въ обратный путь—въ Ярославль.

Хозяину не хотѣлось съ нимъ разставаться, но дѣлать нечего. Пожелалъ ему всего добраго и расцѣловалъ его на прощанье. Распростилась съ нимъ по-хорошему и вся семья хозяина,—съ поцѣлуями проводила Ѳедора Григорьевича изъ Петербурга.

Съ поцѣлуями встрѣтили Волкова и въ Ярославлѣ; всѣ отъ мала до велика въ семьѣ были рады его пріѣзду.

Много, долго разсказывалъ Ѳедоръ Григорьевичъ о столичномъ городѣ. Разсказывалъ и объ улицахъ Петербурга, разсказывалъ и о хозяинѣ конторы, а больше всего — о театрѣ Въ Ярославлѣ о театральныхъ представленіяхъ еще никогда никто не слыхивалъ, потому всѣ усердно слушали разсказы Ѳедора Григорьевича и дивились.

XI.

Въ городѣ скоро узнали, что пасынокъ Полушкина вернулся домой. Много народу стало ходить въ гости къ Полушкинымъ, всѣмъ хотѣлось послушать разсказовъ о столичной жизни.

Ѳедоръ Григорьевичъ больше всего разсказывалъ о театрѣ, — только не о томъ, что видѣлъ за кулисами, а о показной сторонѣ. О закулисахъ же, о томъ, какъ устраивался театръ, онъ повелъ рѣчь съ братьями: Григоріемъ и Гаврилой, и съ своими товарищами.

Изъ товарищей онъ особенно былъ друженъ съ сыномъ протоіерея — *Ванюшей Нарыковымъ,* двумя братьями *Поповыми* — Василіемъ и Михаиломъ, съ *Шумскимъ* и съ *Чулковымъ*.

Молодымъ людямъ очень любопытны показались разсказы о театральныхъ представленіяхъ. Много, долго разспрашивали они Волкова.

— А хотите, я изъ васъ актеровъ сдѣлаю, и мы вмѣстѣ театръ устроимъ?—сказалъ Волковъ.

Всѣ товарищи сидѣли кружкомъ около него и, чуть не развѣся уши, слушали разсказы.

— И выдумаетъ же!—сказалъ Василій Поповъ,— изъ насъ актеровъ сдѣлать?! Хороши мы актеры!

— А тамъ видно будетъ — хороши или худы,— сказалъ Волковъ серіозно.—Попробуемъ?

«Отчего въ самомъ дѣлѣ не попробовать?—думалъ онъ про себя. — Трудно? Такъ что жъ? Выполнить трудно, а попробовать — отчего не попробовать?»

— Ты никакъ ужъ и вправду обдумываешь, какъ насъ въ актеры преобразить?—сказалъ Шумскій.—Что жъ, и въ самомъ дѣлѣ попробовать бы можно...

— Можно?! По-твоему только можно? Нѣтъ, не можно, а *должно!* Да! должно, — вотъ что! — сказалъ красивый семинаристъ (ученикъ духовнаго училища) Ванюша Нарыковъ. Онъ даже разсердился на Шумскаго.—Давай, Ѳедоръ, устроимъ! — обратился онъ къ Волкову.—Возьмемъ, да и устроимъ. А то послѣ твоихъ рѣчей я теперь и сна, и покоя лишусь... Только, чуръ, слушаться! — обратился онъ къ товарищамъ, — а то ничего не выйдетъ. Согласны?

— А вотъ еще одно условіе, — сказалъ Волковъ: — никому чтобы о нашей затѣѣ ни слова! Вотъ, сколько насъ тутъ есть, только мы одни и знаемъ. А чтобы ни единой душѣ ни гу-гу!

XII.

Всѣ дали согласіе молчать, и тутъ же рѣшено было устраивать театръ. Но никто изъ товарищей не думалъ, какого труда, какихъ хлопотъ будетъ стоить ихъ затѣя. Для театра нужны были и музыканты, и пѣвцы; нужны были и большія картины (кулисы), изъ которыхъ на сценѣ составлялись бы комнаты, улицы, деревья, небо, облака, солнце или мѣсяцъ со звѣздами. А для иного представленія требовались громъ, молнія, дождь, рѣка... Все это надо было устроить хорошо, чтобы походило на

настоящее, а для этого требовались настоящія машины. Значитъ, Ѳедоръ Григорьевичъ долженъ былъ самъ и машины устраивать. Однимъ словомъ — хлопотъ была бездна! Но требовались не однѣ хлопоты: требовалось большое искусство, умѣнье. Теперь пригодились Волкову всѣ его знанія — и рисованіе, и пѣніе, и музыка... Теперь всѣ свободныя минуты онъ сидѣлъ за своей выдумкой — театромъ.

Прежде всего онъ сталъ обучать товарищей. Училъ, ка̀къ они должны себя держать, ка̀къ ходить, ка́къ руки поднимать; потомъ училъ, ка́къ выговорить, произносить слова. Для представленія выбралъ исторію изъ Ветхаго Завѣта — «Эсѳирь», переведенную съ нѣмецкаго языка на русскій. Въ то же время самъ рисовалъ для сцены кулисы (большія картины); нѣкоторыхъ товарищей обучалъ пѣнію и музыкѣ. Съ согласія товарищей пригласилъ въ актеры еще кое-кого изъ посадскихъ дѣтей и имъ тоже настрого наказалъ хранить тайну. Онъ боялся, что и при всѣхъ хлопотахъ ничего не выйдетъ. «Чего заранѣе-то кричать? Знаете пословицу: синица моря не зажгла, а славы надѣлала? Ну, такъ зачѣмъ намъ синицами быть? Помолчимъ лучше до поры, до времени».

XIII.

Въ домѣ Полушкиныхъ никто, кромѣ братьевъ, не зналъ о затѣяхъ Ѳедора Григорьевича. Онъ попрежнему занимался торговыми дѣлами отчима и все, что̀ отчимъ поручалъ, исполнялъ исправно.

А театромъ занимался только по вечерамъ, да по праздникамъ, — для этого уходилъ изъ дому.

Чтобы лучше схорониться ото всѣхъ, Ѳедоръ Григорьевичъ придумалъ устроить театръ въ отцовскомъ кожевенномъ сараѣ Сарай былъ большой; стоялъ на Пробной улицѣ. Здѣсь на просторѣ и обучались актеры; здѣсь приготовлялись кулисы (рисовались картины), разыгрывались представленія.

Много хлопотъ, возни было Волкову, — въ особенности съ обученіемъ актеровъ. Не всѣ были такіе понятливые и толковые, какъ Ванюша Нарыковъ или Шумскій. Не мало труда было и съ устройствомъ машинъ. Вѣдь Волкову все приходилось дѣлать одному; никто, кромѣ него, театра не видалъ, приходилось до всего доходить самому.

Но наконецъ дѣло стало налаживаться. И кулисы, и музыка, и пѣніе—все теперь есть. Каждый актеръ выучилъ, что̀ ему говорить надо — или, какъ говорятъ, «выучилъ свою роль».

Разъ, когда актеры удачно разыграли представленіе, Волковъ сказалъ: «Скоро именины моего батюшки. Мнѣ бы хотѣлось его потѣшить, да такъ, чтобы вышло невзначай, чтобы заранѣе онъ не зналъ. Въ его именины у насъ много гостей соберется. Всѣхъ бы вдругъ и пригласить къ намъ въ театръ смотрѣть наше представленіе... Что̀ скажете? Согласны?

Товарищи остались довольны выдумкой: порѣшили устроить представленіе въ день именинъ Полушкина и пригласить именинника со всѣми гостями.

XIV.

Наконецъ насталъ жданный день—именины отчима. Волковъ и всѣ товарищи были въ хлопотахъ съ ранняго утра. Ѳедоръ Григорьевичъ то и дѣло отлучался изъ дому: бѣгалъ въ сарай посмотрѣть все ли готово, не забыли ли чего.

Въ домѣ къ имениннику собралось много гостей. Понаѣхали и помѣщики сосѣднихъ деревень. Пріѣхалъ и помѣщикъ Майковъ. Всѣ комнаты были полны народомъ. Во всѣхъ стояли обѣденные столы. Все было готово, чтобы садиться за столъ, да воеводы (главный начальникъ города) все нѣтъ. Долго заставилъ себя ждать въ этотъ разъ Мусинъ-Пушкинъ, — такъ звали воеводу. Зато, какъ только показался въ дверяхъ, всѣ гости наперебой бросились къ столу. Всѣ успѣли сильно проголодаться и усердно принялись за пирогъ. Только одинъ Ѳедоръ Григорьевичъ ничего не ѣстъ и не пьетъ. Безпокоенъ, словно на горячей плитѣ сидитъ.

Много блюдъ (яствъ) смѣнилось на столѣ, — гости ужъ и счетъ потеряли. Жбаны съ виномъ слуги доливаютъ чуть не въ десятый разъ. Ужъ и именинный сладкій пирогъ откушали — и опять пьютъ за здоровье именинника. Всѣ гости навеселѣ.

Кончился столъ. Хозяинъ съ хозяйкою привстали по старинному обычаю:

— Не обезсудьте, гости дорогіе! чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Всѣ начали цѣловаться, благодарить хозяина съ хозяйкою. Во время этой сумятицы Ѳедоръ Григорьевичъ подошелъ къ отчиму. Поцѣловалъ его въ руку и въ губы, поблагодарилъ, еще разъ поздравилъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— А теперь позволь, батюшка, и мнѣ свое угощеніе тебѣ и твоимъ гостямъ предложить.

— Угощеніе?! — удивился отчимъ.—Что жъ, заморскихъ персиковъ, что ли, досталъ?

— Нѣтъ, не персиковъ. Милости просимъ посмотрѣть нашъ самодѣльный театръ и насъ, самоучекъ-актеровъ, послушать.

Такого угощенія никто не ожидалъ. Всѣ были пріятно удивлены.

— Идемъ! идемъ! всѣ идемъ въ твой театръ!— громко провозгласилъ воевода Мусинъ-Пушкинъ.

— Идемте! всѣ за мной!

И пошелъ къ дверямъ. А за нимъ и хозяинъ съ гостями. Всѣ полнымъ шествіемъ направились на Пробную улицу, гдѣ стоялъ кожевенный сарай.

XV.

Трудно разсказать удивленіе, радость Полушкина и его гостей, когда они вошли въ кожевенный сарай. Они не узнали сарая: съ нимъ совершилось волшебное превращеніе. Всѣ стѣны, потолокъ были разрисованы; по стѣнамъ, на полкахъ, разставлены зажженныя плошки: весь сарай освѣщенъ. Вдали— на томъ концѣ — виденъ занавѣсъ, весь разрисованный; за занавѣсомъ скрыта сцена. Въ сараѣ,

рядами, противъ сцены разставлены скамейки. На скамьяхъ размѣстились гости Полушкина.

Когда всѣ сѣли по мѣстамъ—заиграла музыка. Играли на двухъ скрипкахъ и на гусляхъ. Потомъ поднялся занавѣсъ, — и какое изумленіе — словно въ сказкѣ! — всѣ увидѣли на сценѣ богатый дворецъ. Во дворцѣ сидитъ царь съ царицею. На нихъ царскія одежды. Сидятъ они, разговариваютъ. При нихъ много слугъ, придворныхъ вельможъ. Всѣ въ яркихъ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ. Царь отдаетъ имъ какія-то приказанія. Выслушали придворные — и ушли... Вдругъ дворецъ пропалъ. На его мѣстѣ выросли деревья, и растянулась улица, — ну, совсѣмъ, совсѣмъ какъ настоящая! Надъ деревьями облака ходятъ. Ходятъ, какъ есть, какъ на небѣ.

Всѣ гости поражены.

А мать Ѳедора Григорьевича смотритъ и заливается слезами. Она все представленіе проплакала. Плакала отъ радости, что у нея такой умный сынъ выросъ: до всего самъ дошелъ.

Понравилось представленіе и помѣщику Майкову, и воеводѣ Мусину-Пушкину. Они оба хвалили Волкова, благодарили его и актеровъ. И тутъ же стали уговаривать, чтобы онъ съ своими актерами устроилъ въ Ярославлѣ театръ *для всѣхъ* жителей города. «Деньги—говорили они—соберемъ. Можно будетъ собрать промежду ярославскихъ помѣщиковъ и богатаго ярославскаго купечества».

И Мусинъ-Пушкинъ, и Майковъ сдержали слово: чуть не съ этого дня стали собирать деньги, а собравши, передали Волкову. Волковъ купилъ на эти деньги въ Ярославлѣ клочокъ пустопорожней

земли, выстроилъ на ней большой домъ, устроилъ сцену, изготовилъ кулисы, одежду актерамъ (костюмы), пригласилъ пѣть архіерейскихъ пѣвчихъ и открылъ театръ.

Въ этотъ театръ могъ входить всякій,— только не даромъ, а за деньги: вѣдь, на содержаніе театра тоже требовались расходы. Потому Волковъ назначилъ плату за входъ, — правда, небольшую. Онъ бралъ за первыя мѣста - по пятаку, за среднія - по алтыну, а за послѣднія— по одной копѣйкѣ.

Такъ былъ открытъ первый народный театръ въ Россіи—въ 1750 году.

XVI.

Года черезъ два объ ярославскомъ народномъ театрѣ узнала императрица Елизавета, узнала отъ одного изъ петербургскихъ чиновниковъ, который по дѣламъ службы ѣздилъ въ Ярославль.

Императрица тотчасъ велѣла привезти Волкова со всѣми его актерами въ Петербургъ.

Дѣло было зимой. Ѣхать безъ теплаго платья такую даль, разумѣется, было нельзя, а у многихъ изъ товарищей Волкова теплой одежды совсѣмъ не было. Имъ сшили шубы на казенный счетъ; на казенный же счетъ наняли и лошадей. Всѣхъ актеровъ вмѣстѣ съ Волковымъ поѣхало въ Петербургъ четырнадцать человѣкъ.

Молодыхъ людей привезли прямо во дворецъ.

Государыня велѣла имъ представить на дворцовомъ театрѣ исторію «Хоревъ». Эта исторія была

написана на русскомъ языкѣ молодымъ писателемъ Сумароковымъ. Это былъ тотъ самый Сумароковъ, который въ Шляхетномъ Сухопутномъ корпусѣ учился кадетомъ; еще тогда о немъ слыхалъ Волковъ.

Сумароковъ теперь много писалъ для театра. Представленія для театра пишутся и печальныя, и смѣшныя. Смѣшныя называются комедіями, печальныя—трагедіями. Сумароковъ писалъ трагедіи.

Одну изъ его трагедій «Хоревъ» и должны были представлять ярославскіе актеры

Государыня для каждаго актера къ представленію велѣла сшить новое платье. Сама заботилась, чтобы они на сценѣ были хорошо одѣты; сама убирала головы тѣмъ, которые представляли женщинъ. Ванюша Нарыковъ представлялъ одну изъ главныхъ женщинъ въ трагедіи «Хоревъ» – Оснельду. Государыня сама накалывала ему головной брильянтовый уборъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросила она.

— Иванъ Нарыковъ.

— Нѣтъ, неправда. Не такъ тебя звать. Твоя фамилія Дмитревскій.

— Я... Нарыковъ...

— А съ этихъ поръ пусть ты будешь Дмитревскій.

Нарыковъ удивленно смотрѣлъ на государыню: не понималъ, зачѣмъ его хотятъ изъ Нарыкова сдѣлать Дмитревскимъ. Ужъ потомъ ему кто-то изъ придворныхъ разъяснилъ. «Ты очень похожъ на красиваго польскаго графа Дмитревскаго,—сказалъ придворный, — ну, вылитый Дмитревскій. А

государынѣ Дмитревскій очень нравится. Вотъ потому она и хочетъ, чтобы и тебя звали Дмитревскимъ. Значитъ, и ты ей нравишься».

Такъ съ этихъ поръ Нарыковъ и пошелъ за Дмитревскаго. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался очень извѣстенъ. Вотъ какая была его судьба. Государыня скоро помѣстила его вмѣстѣ съ другими ярославскими актерами—Шумскимъ, двумя братьями Поповыми, Чулковымъ — учиться въ Шляхетный Сухопутный корпусъ. По вечерамъ онъ и его товарищи представляли на дворцовомъ театрѣ. Потомъ государыня послала его за границу — посмотрѣть, какъ играютъ иностранные актеры, поучиться у нихъ. Дмитревскій такъ успѣлъ въ театральномъ искусствѣ, что своей игрой прославился и за границей. Онъ сдѣлался знаменитымъ актеромъ. Всѣ наперебой ходили его смотрѣть.

Изъ Шумскаго тоже современемъ вышелъ хорошій актеръ. А Поповы и Чулковы сдѣлались потомъ извѣстными писателями.

Волкову же, Ѳедору Григорьевичу, государыня поручила устроить въ Петербургѣ театръ *для всѣхъ*. Много трудился надъ этимъ дѣломъ Ѳедоръ Григорьевичъ. Не мало помогъ ему тутъ и Сумароковъ. Деньги изъ казны были отпущены большія

Этотъ первый казенный театръ былъ открытъ черезъ шесть лѣтъ послѣ ярославскаго — въ 1756 году.

Изъ казны начначено было ежегодно отпускать пять тысячъ рублей на жалованье актерамъ. Съ этого времени въ актеры стали принимать не од-

нихъ мужчинъ, а и женщинъ. Сумароковъ къ этому времени написалъ уже много трагедій. Его сдѣлали начальникомъ (директоромъ) новооткрытаго театра; а Волковъ былъ сдѣланъ *первымъ* — главнымъ актеромъ.

Года черезъ три государыня поручила Волкову устроить такой же театръ *для всѣхъ* и въ Москвѣ. Волковъ взялъ себѣ въ помощники актера Шумскаго и поѣхалъ въ Москву устраивать театръ.

XVII.

Скоро и это порученіе было исполнено. Волковъ вернулся опять въ Петербургъ и теперь цѣлые дни проводилъ въ новоустроенномъ театрѣ. Ему времени не было даже о женитьбѣ подумать: театръ замѣнялъ ему и жену, и дѣтей. Попрежнему и теперь ему труда и хлопотъ съ театромъ было много.

Вскорѣ умерла императрица Елизавета. Ея мѣсто заняла другая государыня — Екатерина Вторая.

Екатерина Вторая захотѣла чѣмъ-нибудь наградить Волкова за всѣ его труды по устройству театровъ — и рѣшила наградить дворянствомъ. «Пусть будетъ дворяниномъ, — думала она: — ему, купеческому сыну — актеру, конечно, лестно вдругъ попасть въ дворяне». Вмѣстѣ съ дворянской грамотой велѣла дать ему и семьсотъ душъ крестьянъ въ подарокъ и земли, сколько надо.

Вѣсть о пожалованіи государыни быстро облетѣла весь театръ, всѣхъ служащихъ. Едва Вол-

ковъ успѣлъ получить грамоту, какъ товарищи-актеры одинъ за другимъ стали входить въ его квартиру съ поздравленіемъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ держалъ въ рукахъ царскую бумагу и, стоя у окна, дочитывалъ послѣднія строки.

— Поздравляемъ! Поздравляемъ, дружище! — Дождался таки, — и стóишь, стóишь за всѣ свои труды! — говорили товарищи, дружески пожимая ему руку. — Теперь, братъ, съ тебя вспрыски надо!

Ѳедоръ Григорьевичъ молча жалъ товарищамъ руки.

— Что это?! Ты словно какъ бы и не радъ, что изъ актера, попросту изъ «скомороха», вдругъ дворяниномъ сталъ?!—говорилъ Шумскій, вглядываясь въ озабоченное, задумчивое лицо Волкова.

— Да! большую заботу возложила на меня государыня,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Въ чемъ дѣло? Чтò такое?

— Да какъ же! Велитъ принять дворянство!..

— Чтò ты говоришь?!—удивленно перебилъ его Шумскій.

— Зачѣмъ мнѣ дворянство? Ну, зачѣмъ?.. Еще если бы я былъ женатъ — могъ бы передать дворянскую грамоту по наслѣдству дѣтямъ, а они — внучатамъ... все бы... А теперь? Къ чему мнѣ дворянство? спрашиваю васъ. Я—бобыль. И предпочесть званію актера?!.

Волковъ въ волненіи забѣгалъ по комнатѣ. Не слушалъ, что пытались возразить товарищи, и продолжалъ свое:

— Я актеръ. Самъ Богъ надѣлилъ меня талантомъ актера—и я желаю умереть актеромъ. А что̀ такое актеръ? Какъ по-вашему? Скоморохъ? и только? Нѣтъ! неправда! Актеръ съ талантомъ—дѣло великое! Актеръ. . это... это учитель-наставникъ! Онъ съ театральныхъ подмостокъ смѣется надъ всѣмъ, что дурно, смѣется надъ порокомъ! Учитъ быть лучше! Это учитель цѣлаго народа,—вотъ что̀ такое актеръ! И я горжусь... да! я горжусь званіемъ актера!

Волковъ остановился, выпрямился и поднялъ голову. Въ эту минуту, казалось, онъ сталъ выше своего роста.

Никогда пріятели не видали Волкова такимъ разстроеннымъ. Никогда онъ такъ не горячился, такъ много не говорилъ. Казалось, никогда такъ не сердился.

Товарищи перетрусили за него. Они боялись, что государыня разгнѣвается за отказъ. «Достанется ему, разсуждали они между собой, – сильно достанется». И рѣшили попытаться еще разъ уговорить Ѳедора Григорьевича не дѣлать такого опаснаго шага—не отказываться.

Они обступили его со всѣхъ сторонъ и начали уговаривать. Первый началъ Шумскій.

— Ѳедоръ Григорьевичъ, выслушай дружескій совѣтъ! Мы тебѣ, самъ знаешь, худаго не пожелаемъ...

Но все было напрасно. Волковъ твердилъ одно: «Ничего, ничего мнѣ не надо. Буду просить государыню, чтобы позволила мнѣ умереть актеромъ... а дворянствомъ и крестьянами наградила бы брата»...

Просьбу Волкова донесли государынѣ. Государыня много дивилась на отказъ Ѳедора Григорьевича и всѣмъ говорила, что ей нравится поступокъ Волкова. Просьбу его она исполнила: и дворянство, и крестьяне достались брату его, Гаврилѣ Григорьевичу.

XVIII.

Скоро назначено было въ Москвѣ коронованіе на царство императрицы Екатерины II.

Государыня хотѣла, чтобы всѣ жители Москвы веселились въ дни ея коронаціи, и для этого поручила Волкову устроить на улицахъ представленія.

Волковъ поѣхалъ въ Москву еще задолго до коронаціи Онъ придумалъ устроить по всѣмъ главнымъ улицамъ шествіе изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, наряженныхъ въ богатыя одежды. Но онъ боялся, какъ бы такое множество людей не перепуталось между собою, и вотъ для порядка и надзора рѣшилъ самъ разъѣзжать во все время шествія верхомъ на лошади.

Всѣ видѣли, какъ въ дни коронаціи изъ одной улицы въ другую скакалъ красивый всадникъ съ распущенными кудрями по плечамъ. То весело кланялся направо и налѣво, то громко налету отда-

валъ приказанія и мчался мимо въ сосѣднюю улицу. Коронація длилась три дня, и всѣ три дня всадникъ не сходилъ съ лошади.

Этотъ всадникъ былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Пора была весенняя, холодная. Простудиться было легко. И Волковъ дѣйствительно простудился. Слегъ въ постель. Съ нимъ сдѣлалась горячка... Проболѣлъ не долго и 4-го апрѣля 1763 года умеръ. Ему было всего тридцать-шесть лѣтъ.

Похоронили его въ Москвѣ, въ Андроньевомъ монастырѣ. Но могилу его теперь едва ли можно разыскать—заросла она и затерялася.

Е. Некрасова.

КОНЕЦЪ.

LUX
LIBERTAS